

И.Л. Хохлова

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПОДВИГОВ ПОКАЯНИЯ В «ЛЕСТВИЦЕ» И В ЖИТИЙНОЙ ИКОНЕ ИОАННА СИНАЙСКОГО

Исследование выполнено

*при поддержке гранта Российского научного фонда
(проект № 22-18-00005 «Иконография и агиография
Лестницы Иоанна Синайского»)*

Аннотация: Аскетическое сочинение византийского святого Иоанна Синайского «Лестница небесная» имеет богатую историю воплощения в древнерусской живописи. Оригинальным типом иконографии, рожденным «Лестницей», являются сцены монашеских подвигов в монастыре-темнице, описанные в Слове 5-м «О Покаянии». Развитый цикл изображений сцен покаяния монастырских затворников окружает средник признанного шедевра последней трети XVI в. — иконы «Видение преподобного Иоанна Лествичника с 24 клеймами жития и подвигов» из собрания Рыбинского музея-заповедника. Цель исследования — проследить в этом редчайшем памятнике характер и особенности переложения пятой главы «Лестницы» с литературного языка на изобразительный. Задачами изучения иконы служит определение ее ближайших иконографических и стилизованных аналогий и протографов во фресках, иконах, миниатюрах. Это позволит уточнить датировку и атрибуцию иконы. Используя метод сравнительного анализа текста и изображения, методику иконографического и стилистического сопоставления, иконологический метод, автор находит параллели между агиографией и иконографией. Последовательное сравнение клейм иконы с аналогичными сюжетами покаяния монахов во фреске западной галереи Благовещенского собора Московского Кремля (1508–1564) и в миниатюрах рукописи «Лестницы» 1520–1530-х гг. из РГБ доказывают явное близкое знакомство автора иконы с указанными памятниками столичного происхождения. Уникальность иконографии и элитарность письма иконы приводят к выводу о написании ее московским изографом по царскому заказу, вероятно, как образ святого покровителя царевича Иоанна, сына Иоанна Грозного.

Ключевые слова: Лестница Иоанна Синайского, подвиги покаяния, житийная икона, агиография и иконография, эпоха Иоанна Грозного.

Irina L. Khokhlova

IMAGE OF FEATS OF REPENTANCE IN THE *LADDER* AND IN THE HAGIOGRAPHIC ICON OF JOHN CLIMACUS

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00005 “Iconography and Hagiography of the Ladder of John Climacus”).

Abstract: The article examines image of feats of repentance in the *Ladder* and in the hagiographic icon of John Climacus. The ascetic composition of the Byzantine Saint John Scholasticus *The Ladder of Heaven* has a rich history of embodiment in old Russian painting. The original type of iconography, born of the *Ladder*, are the scenes of monastic exploits in the monastery-dungeon, described in the Word 5 *On Repentance*. A developed cycle of images of repentance scenes of monastic recluses surrounds mullion of the recognized masterpiece of the last third of the 16th century — the icon *Vision of St. John of the Ladder with 24 Stamps of Life and Exploits* from the collection of the Rybinsk Museum-Reserve. The purpose of study is to trace in this rare monument nature and features of translation of the fifth chapter of the Ladder from literary to pictorial language. The tasks of studying an icon are to determine its closest iconographic and stylistic analogies and protographs in frescoes, icons, miniatures. This will clarify the dating and attribution of the icon. Using a method of comparative analysis of text and image, a method of iconographic and stylistic comparisons, an iconological method, author finds parallels between hagiography and iconography. A consistent comparison of the icon's brands with similar scenes of monks' repentance in the fresco of the western gallery of the Annunciation Cathedral of Moscow Kremlin (1508–1564) and in the miniatures of the manuscript *Ladder* of the 1520s–1530s from the RSL (Russian State Library) proves the obvious close acquaintance of the icon's author with these monuments of metropolitan origin. The uniqueness of iconography and elitism of icon's writing lead to the conclusion that it was written by a Moscow isographer by royal order, probably as an image of the patron saint of prince Ivan, the son of Ivan the Terrible.

Keywords: The Ladder of John Climacus, feats of repentance, hagiography and iconography, era of Ivan the Terrible.

Среди тридцати ступеней лестницы духовного совершенствования, описанных преподобным Иоанном Лествичником в книге «Лествица райская», особое значение имеет пятая ступень, носящая название «О попечительном и действительном покаянии и также о житии святых осужденников, и о Темнице». Сам преподобный Иоанн говорит о покаянии, как о «завете с Богом об исправлении жизни»

(слово 5, стих 1). По Лествичнику, покаяние — некий ключ к дальнейшему преображению подвижника, краеугольный камень на пути восхождения души к Богу. В богословии великого Синайского игумена покаяние занимает одно из центральных мест; он описывает практику внутреннего покаяния — с непрерывным плачем о грехах и памятью смерти — и внешнего — исповедания согрешений (слова 4, 5, 6). Память преподобного Иоанна приходится на четвертую Неделю Великого поста — период, именуемый также лестницей в Царство небесное и временем покаяния. Этим подчеркивается колоссальное значение личности автора и его книги, в частности «Слова о покаянии», в деле христианского спасения.

Пятую ступень «Лествицы» переписывали и иллюстрировали чаще других. Это связано с самим предметом Слова — с темой покаяния. Для христианина покаяние всегда находится в центре духовной жизни, являясь камертоном для оценки своего реального состояния. «Начиная с XIII в. Слово о покаянии обрело самостоятельный статус и стало входить в состав учительных сборников как отдельное произведение» [6, с. 17].

Иконография сюжетов «Лествицы» имеет тысячелетнюю историю. Сцены монашеских подвигов покаяния относятся к одному из основных типов иконографии «Лествицы». Развитый цикл «покаяния» с молящимися аскетами под сводами пещер встречается уже в XI в. в синайских рукописях «Лествицы» (Cod. gr. 394) [13, кат. 21]. На Руси изображение мученичества добровольных узников монастырской тюрьмы из Слова 5-го «Лествицы» «О покаянии» встречаются во фресках, иконах, книжных миниатюрах. В частности, фрески на эту тему сохранились в Благовещенском соборе Московского Кремля, в храме Николы Надеина в Ярославле и др. Иконы и иллюминированные рукописи с изображением подвигов покаяния находятся в таких крупных собраниях, как ГИМ, ГРМ, КМИИ, РГБ, РНБ [6, с. 16–82].

Икона «Видение преподобного Иоанна Лествичника с клеймами жития и подвигов» из собрания Рыбинского музея-заповедника имеет размеры 157×127 см, она написана в технике темперной живописи; реставрирована в 1992–1996 гг. в Ярославле¹. Памятник из Рыбин-

¹ Икона реставрирована в 1992–1996 гг. в Ярославском участке реставрации живописи и резьбы реставратором 1-й категории Татьяной Анатольевной Кон-

ска — единственный в византийском и русском искусстве опубликованный пример изображения житийного цикла автора «Лествицы».

В житийных клеймах иконы отражена церковная традиция, согласно которой преподобный Иоанн и его брат Георгий (мирское его имя Аркадий) считались сыновьями константинопольских вельмож Ксенофонта и Марии. Состав житийных клейм следующий: 1. Иоанн с братом отправляются в учение; 2. Кораблекрушение на пути в Вирит; 3. Братья прибывают в Иерусалим; 4. Встреча родителей с сыновьями в Иерусалиме; 5. Ксенофонт и Мария принимают монашеский постриг; 6. Предсказание преподобного Иоанна Савваита о игуменстве св. Иоанна. В 7-м клейме эту динамичную событийность сцен останавливает погребение преподобного Мартирия — наставника святого Иоанна. Отсюда начинается пустынножитие автора Лествицы. 8-е клеймо — его молитва в пустыни Фола. Здесь впервые в иконе появляется образ пещеры. Ее фигурная крыша — ключ-раппорт к нижним сценам. Далее следуют чудеса по молитвам святого Иоанна: изгнание беса блуда и спасение уснувшего ученика Моисея от падения валуна. Клеймо олицетворяет собой добродетель послушания, которая, по Лествичнику, есть «путешествие спящих».

В клеймах с 13-го по 23-е подробно иллюстрируется 5-я ступень «Лествицы» «Слово о покаянии». Покаяние — добродетель и состояние, без которых невозможно двигаться выше. Поэтому пятая ступень духовной лестницы является ключевой в дальнейшем восхождении «от силы в силу».

На наш взгляд, в содержательной структуре клейм иконы отражено построение самой книги. Первым трем главам, посвященным разрыву с миром, соответствуют верхние клейма жития Лествичника. Главы с 4-й по 8-ю — послушание, покаяние, память о смерти, радостотворный плач — в иконной изобразительности занимают все остальные клейма подвигов затворников. Эти ступени готовят монаха к деятельному пути монашеской жизни. Иконописные клейма служат оправой и пьедесталом для средника, где в красках воплощено гран-

тылевой, которая за эту работу выдвигалась на соискание премии П.Д. Барановского. До реставрации икона была в аварийном состоянии. Основа покороблена, в нижней половине доски было сплошное отставание паволоки с грунтом от основы, множественные утраты красочного слоя. Реставратором под микроскопом были удалены пять слоев разновременных записей, тонированы утраты.

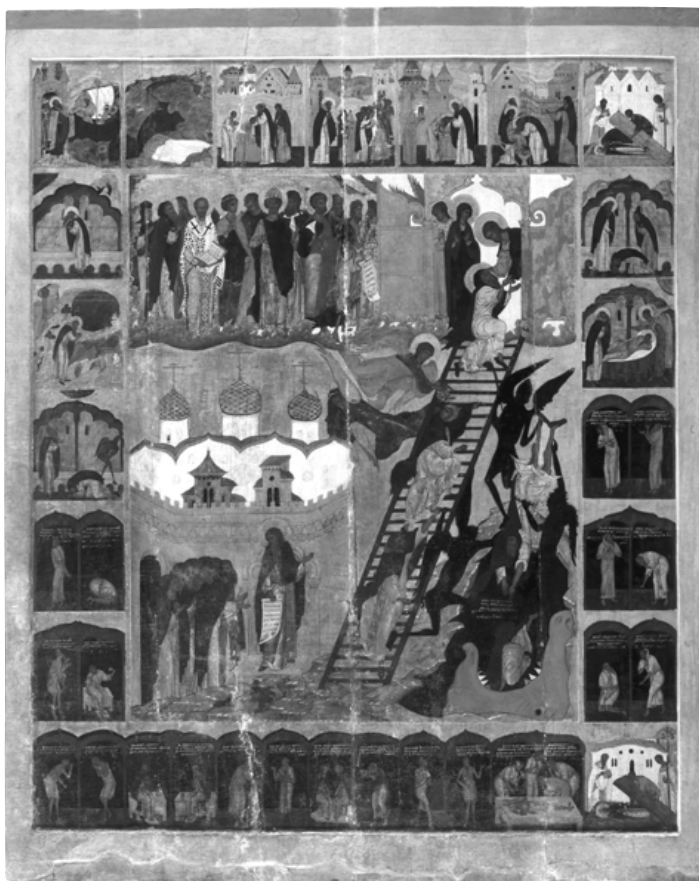

Иллюстрация 1 – Икона «Видение преп. Иоанна Лествичника, с житием и подвигами покаяния». Последняя треть XVI в.

Рыбинский музей-заповедник. Общий вид

Figure 1 – The Icon “Vision of Rev. St. John of the Ladder, with Life and Deeds of Repentance.” The last third of the 16th century.

Rybinsk Museum-Reserve. General view

диозное умозрение духовной битвы, — литературно это центральные 16 ступеней книги (с 8-й по 23-ю), посвященные борьбе со страстями. Последние главы Лествицы о плодах подвижничества и соединении с Богом выражены визуально в достижении вершины лестницы, принятии подвижника в сияющее Небесное Царство.

Подвигам умерщвления плоти Лествичник сам был свидетелем, проведя месяц в монастыре Темнице, находившемся, неподалеку от Александрии [8, с. 133]. В слове о покаянии нашли отражение впечатления автора книги, поэтому с точки зрения хронологии жития одиннадцать сцен покаяния логично внедрены в ткань житийного повествования в иконе.

Полагаем, что прямым прообразом этих клейм в стенописи служат росписи западной галереи Благовещенского собора Московского Кремля (1508–1564) [2, ил. 15]. Кремлевская же стенопись, существовавшая еще до большого пожара 1547 г., вероятно, послужила ближайшим источником для миниатюр к лицевой рукописи Лествицы 1520–1530-х гг. из РГБ (ОР РГБ. Ф. 304, III. № 20) [15, с. 3–9]. Отметим, что мастер иконы видел уже поновленную после пожара стенопись.

Для доказательства нашей гипотезы сопоставим рукопись, фреску и икону [11, с. 38–39]. Во всех трех произведениях добровольные мучения святых осужденников персонифицируются в светлых истонченных фигурах монахов в покаянных позах в темноте келий. В Рукописи РГБ из Троице-Сергиевой лавры содержится пять миниатюр со сценами подвигов. Розовая аркада келий с характерными прямоугольными выступами на крышах с плоскими черепичными кровлями вмещает 29 фигур, исполненных в иконописной манере. Фигуры с узкими плечами, высокие, гибкие, движения их изящны и лаконично воплощают суть каждого подвига. Лбы высокие, лики полны выразительности. Фон темно-серый, иногда золотой. По артистизму письма, реализму рисунка и изысканности колорита миниатюры являются выдающимся памятником русской книжной культуры [14, с. 518].

Во фресковом цикле изображено 28 фигур под сводами коричневых арок. Несмотря на плохую сохранность фрески, совершенно очевидно ее полное сходство с миниатюрами, как в последовательности сцен, так и в позах монахов, во фреске более экспрессивных. Примечательно, что в стенописи [2, ил. 15] сцены в пещерах предваряет изображение Иоанна Лествичника и Иоанна Раифского на фоне храмов монастыря и зигзагообразных стен. В первой миниатюре также написаны два святых Иоанна на фоне белокаменного трехглавого Богородичного храма с закомарами в зигзагообразной ограде [15, с. 3].

Надписи на фреске в настоящее время не читаемы².

В иконных сценах подвигов, как и в двух прототипах, кельи имеют прямоугольную форму с полуциркульными арками. Килевидное навершие арок в иконе заимствовано из фрески, так же, как и коричневый цвет стен. На иконе в боковых клеймах арки сдвоены; в нижнем ряду идут сплошным фризом. В клеймах иконы аскеты изображены

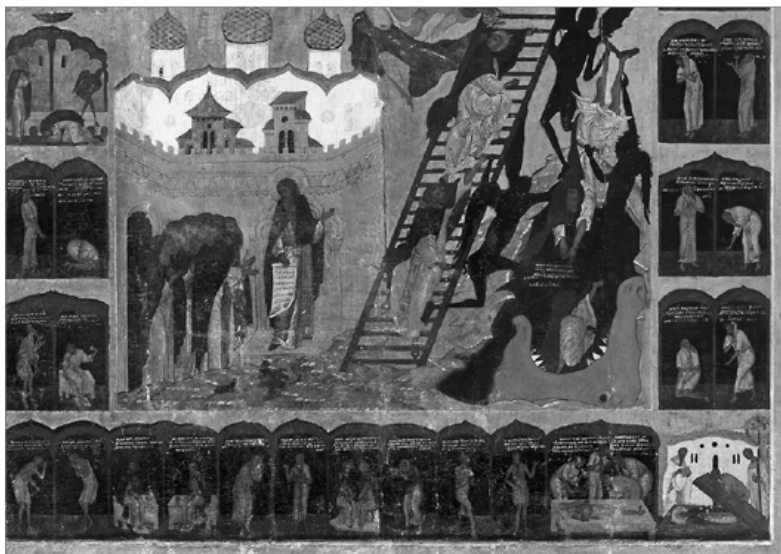

Иллюстрация 2 – Икона «Видение преп. Иоанна Лествичника, с житием и подвигами покаяния». Последняя треть XVI в.

Рыбинский музей-заповедник. Фрагмент с клеймами сцен покаяния

Figure 2 – The Icon “Vision of Rev. St. John of the Ladder, with Life and Deeds of Repentance.” The last third of the 16th century.

Rybinsk Museum-Reserve. Fragment with the stamps of scenes of repentance

по двое, пространство пещеры разделено надвое колонной с базой и капителью, как в миниатюрах [9, с. 204–213]. Пропорции иконных фигур, их гибкая пластика и мелодичность ритмов движений очень сходны с обоими протографами. Монахи облачены в подрясники и аналавы, со спущенными куколями, иногда в мантии, иногда в ко-

² Благодарю научного сотрудника ЦМиАР Дионисия Владимировича Денисова за любезно предоставленные фотографии современного вида фресок.

Иллюстрация 3 – Икона «Видение преп. Иоанна Лествичника, с житием и подвигами покаяния». Последняя треть XVI в. Рыбинский музей-заповедник. Фрагмент. Клеймо 14

Figure 3 – The Icon “Vision of Rev. St. John of the Ladder, with Life and Deeds of Repentance.” The last third of the 16th century. Rybinsk Museum-Reserve. Fragment. Stigma 14

роткие рубахи, все босые. Цвет облачений на иконе имеет сближенные светлые оттенки, что более сродни миниатюрам, чем фреске, где одежды более яркие и контрастны.

Отметим, что икона унаследовала от фрески монументальный дух и фризность, а от миниатюры — колористику одежд и тонкость письма деталей.

Поклеймовое сравнение приводит к еще более поразительным выводам.

Фигуры в 13-м и 14-м клеймах обнаруживают абсолютное сходство с миниатюрой с точностью до нюансов положения торсов, рук и ног и письма складок [15, с. 3]. В клеймах иконы поверх черного фона оставлены белые надписи XIX в. Судя по остаткам текстов слоя XVI в. между строк, поздние надписи их не всегда дублируют. Подписи под миниатюрами рукописи являются почти точными извлечениями из текста пятой главы. С этими подписями обнаруживают порой дословное сходство фрагменты древних надписей на иконе. Так, в 14-м клейме один из монахов стоит со связанными за спиной руками.

Иллюстрация 4 – Икона «Видение преп. Иоанна Лествичника, с житием и подвигами покаяния». Последняя треть XVI в. Рыбинский музей-заповедник. Фрагмент. Клеймо 23

Figure 4 – The Icon “Vision of Rev. St. John of the Ladder, with Life and Deeds of Repentance.” The last third of the 16th century. Rybinsk Museum-Reserve. Fragment. The stigma 23

Под аналогичным образом в миниатюре текст: «А СЕЙ НА МО(ЛИ)ТВЕ ПРЕДСТОИТ // И НА ВСПЯТЬ СВОЕ РУЦЕ ЯКО ОСУЖДЕНИК СВЯЗА. НА ЗЕМЛЮ // ТЕМНОЕ ЛИЦЕ ПРЕКЛОНИ» (слово 5, стих 7) [15, с. 3]. Однако из-под написанных внахлест поздних текстов на иконе видна часть надписи XVI в.: «...РУЦЕ СВЯЗА ЯКО ОСУЖДЕННИК». Второй монах в этом клейме, обхватив голову руками, припал на коленях к земле. Текст XIX в.: «ВО ВРЕТИЩЕ СЯ И ПЕПЕЛЕ // (СЕЙ) МУЧИТЬ И КОЛЕНО (И) ГЛАВУ // ПРИКЛОНЪ». Под миниатюрой текст: «СЕЙ НА ЗЕМЛИ, ВЪ ВРЕТИ // ЩИ И ПЕПЕЛЕ СЕДЯ. И // КОЛЕНОМА ЛИЦЕ ЗАКРЫ, // И ЧЕЛОМ В ЗЕМЛЮ БИЕТЪ» [15, с. 3]. На иконе читается надпись XVI в.: «КОЛЕНОМА ЛИЦЕ ЗАКРЫ, // И ЧЕЛОМ В ЗЕМЛЮ БИЕТЪ» (слово 5, стих 8).

В 15-м клейме стоящий слева отшельник изображен ударяющим себя в грудь; древняя и поздняя надписи на иконе одинаковы: «А СЕЙ БЕЗЪ ПРЕСТАНИ // ВЪ ПЕРСИИ БИЕТЪ» (слово 5, стих 9). Надпись в миниатюре аналогична. Пластика движения монаха на иконе справа имеет авторскую трактовку по сравнению с миниатюрой, где монах

сидит на земле, обхватив колена руками [15, с. 5]. В иконе стоящий монах склонился к земле, он зажимает рот рукой, а перстом второй руки указывает в землю. Надпись XVI в., видная из-под поздней, гласит: «А СЕЙ СЛЕЗАМИ ЗЕМЛЮ ОМОЧАЕТ» (слово 5, стих 9), и это соответствует подписи под миниатюрой.

В остальных клеймах иконы порядок сцен уже не всегда совпадает с миниатюрами. 16-е клеймо сопровождается надписи: «СЕЙ УМИЛЕНЕ НА Н(Е)БО // ВЗИРАЕТЪ РЫДАЕТЪ С ВО//ПЛЕМ ПОМОЩИ ПРОСИТЬ» (слово 5, стих 6). В миниатюре эта надпись сделана под фигурой во второй по счету арке [15, с. 3]. Справа в клейме иконы изображен сидящий на скамье монах, сокрушенно подпирающий рукой голову и протягивающий ввысь хлеб. На месте записной надписи явно должна быть древняя, соответствующая сюжету об отвержении хлеба (стих 14). В миниатюре этого сюжета под цифрой «14» (ДІ) планка движения монаха сходна с иконной.

Надписи в 17-м клейме гласят: «А СЕЙ КОЛЕНА ОЦЕ//ПЕНЕВШО О(Т) МНОГАГО // ПОКЛОНЕНИЯ» (слово 5, стих 19). Подвижник слева стоит на коленях. В миниатюре на этот сюжет два монаха припадают на землю с лестовками [15, с. 9]. В правой части кельи в 17-м клейме иконы стоящий в сложном ракурсе монах изображен ударяющим себя в грудь, текст поясняет: «А СЕЙ СЛЕЗАМИ ЗЕМЛЮ ОМЫВАЕТЪ» (слово 5, стих 19). Остатки надписи XVI в. открывают слова: «А СЕЙ ПЛЕВАНІЕ КРОВАВО ОТ ПЕРСИЕЙ // БИЕНИЯ» (слово 5, стих 19). Такая же надпись в миниатюре сделана под соседним сюжетом с молящимися до оцепенения ног монахами [15, с. 9]. Иконописец, таким образом, заостряет силуэты фигур, разворачивая их в три четверти и избегая столпообразных фронтальных поз, как в миниатюре, тем самым добиваясь динамизма, близкого среднику иконы.

Иконография 18-го клейма совпадает с миниатюрой «20» (К) вплоть до жестов рук и перекрещенных ног [15, с. 11]. Надпись (справа) тоже аналогична: «О СВОИХЪ ДУШАХЪ АКИ // О МЕРТВЫХЪ РЫДАХУ» (слово 5, стих 9).

В 19-м клейме два пожилых монаха сидят на скамьях, склонившись над чашами. Поздняя надпись не соответствует сюжету. По иконографии это клеймо близко миниатюрам 9 и 10 [15, с. 5] с подписями из 13 стиха 5-го слова Лествицы: «СІЙ ПИТІЕ ВОДНОЕ // С ПЛАЧЕМ

РАСТВО//РЯЕТЪ», «А СЕЙ ПЕПЕЛЪ И ЖЕРАТОК ВМЕ//СТО ХЛЕ-
БА ЯСТЬ».

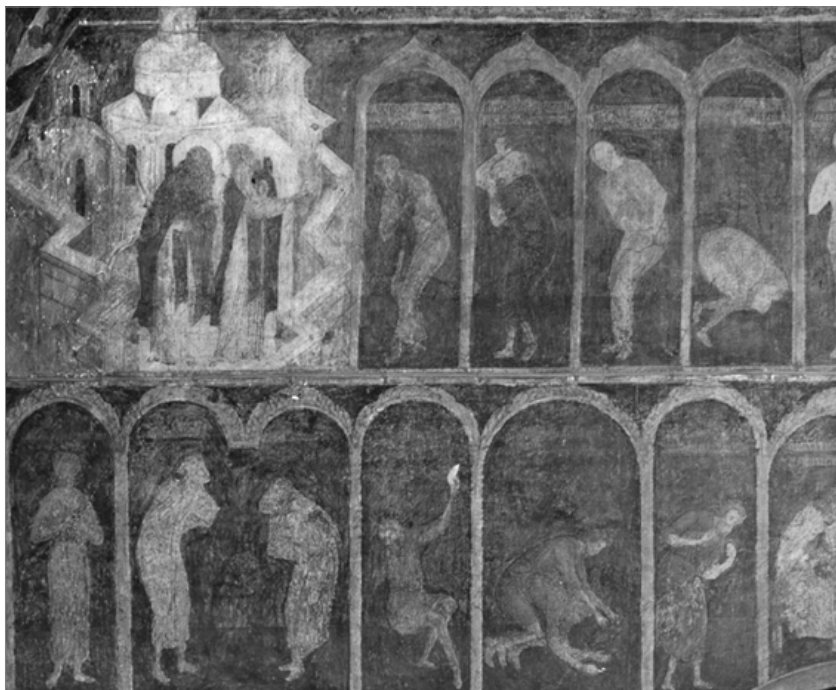

Иллюстрация 5 – Фрагмент росписи западной галереи
Благовещенского собора Московского Кремля. 1508–1564 гг.

Figure 5 – Fragment of painting of the Western gallery
of Cathedral of the Annunciation in the Moscow Kremlin. 1508–1564

В 20-м клейме две фигуры стоящих на молитве монахов сопровождают поздние тексты (слово 5, стих 5). 21-е клеймо иконы соответствует миниатюре с номером 17 с изображением двух сидящих монахов, скованных по ногам одной колодой [15, с. 9] (слово 5, стих 20). Справа юный отшельник вперил взор в землю.

В 22-м клейме иконы, повторяя порядок в миниатюре, следом за подвигом колодников идет подвиг добровольного юродства [15, с. 5].

В 23-м клейме «граждане страны покаяния» — четверо монахов, — склоняясь в трепете над одром, вопрошают умирающего о том, прощен ли он Богом (слово 5, стих 22). Надписи в клейме: «СКОНЪ-

ЧАВЪШАГОСЯ БРАТА ВОПРОШАХУ // ИЗВЕСТЕНЪ ЛИ ОНЪ О
ЖИЗНИ ГДЕ ВСИ СУТЬ С(ВЯ)ТІИ // ВЗЯТЬ ЛИ ЗА ТРУТЬ ЧТО ИЛИ
НИИ ХРАНЕНИЕ // ПОЛУЧИЛИ ИСКОМЫХЪ И НАДЕЖДЪ ВЕСЕЛИЕ». Клеймо иконы является точным обратным переводом миниатюры [15, с. 11], что подтверждается такими деталями, не могущими быть

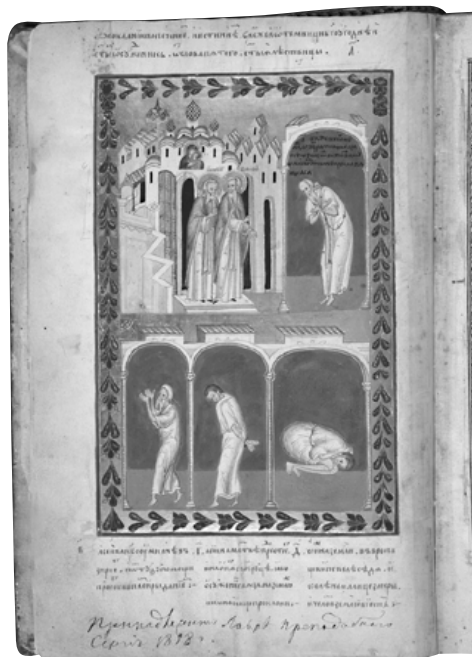

Иллюстрация 6 – Миниатюры рукописи «Лестницы» 1520–1530-х гг.
РГБ. (ОР РГБ. Ф. 304, III. № 20. С. 3)

Figure 6 – Miniatures of manuscript of the “Ladder” of the 1520s-1530s.
Russian State Library (Rare Book Department, RSL, f. 304, III, no. 20, p. 3)

случайным совпадением, как, например, положение рук плачущего юноши в центре. В порыве он десницей утирает слезы, а левой рукой сцепил запястье правой руки. Во фреске западной галереи Благовещенского собора сюжет о вопрошании умирающего отсутствует.

Черный фон сцен покаяния передает мрак келий, где подвижники ощущали себя «во тьме и сени смертной», трудясь над воскресением души. Пещеры их уподоблены гробу. Черный символизирует об-

ступившую подвижников тьму искушений и «божественный мрак» тайны Богообщения. Черный — это цвет скорби о грехах, смерти для мира. Символично, что 6-я ступень Лествицы посвящена памяти смертной. Подвижники прошли дно ада на земле ради рая небесного. Венчает живописное житие успение преподобного Иоанна Лествич-

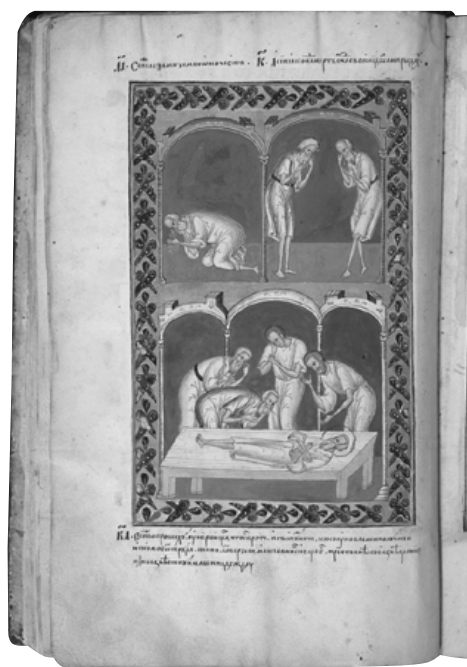

Иллюстрация 7 – Миниатюры рукописи «Лествицы» 1520–1530-х гг.
РГБ. (ОР РГБ. Ф. 304, III. № 20. С. 11)

Figure 7 – Miniatures of manuscript of the “Ladder” of the 1520s–1530s.
Russian State Library (Rare Book Department, RSL, f. 304, III, no. 20, p. 11)

ника. Кончина праведника — колористический прорыв света, избавление скорби, когда «смерть — приобретение» (Фил. 1: 21).

Итак, сравнение миниатюр рукописи «Лествицы» 1520–1530-х гг. и клейм иконы из собрания Рыбинского музея-заповедника доказывает, что мастер иконы, несомненно, использовал миниатюры Лествицы из собрания РГБ в качестве образца. Возможно, у него имелись прорисы с этих миниатюр.

В связи с этим огромное значение для атрибуции иконы имеет факт бытования рукописи. На ее листах с 28-го по 48-й имеется вкладная киноварная запись-скрепа: *«7124 [1616] года // мая в 1 день // далъ сію // книгу // преподобнаго Иоанна // писателя // Лествицы // священникъ // Василей // Афонасіевъ // с Москвы // с Рождественскіе // улицы // девича монастыря // Рожества Пресвятыя Богородица // в Дом Пресвятыя Троица // преподобных отецъ // Сергія и Никона // Радонежских // иже в Маковце // по своих родителейхъ»* [15, с. 28–48]. Согласно вкладной записи рукопись была пожертвована на помин души родителей в Троице-Сергиев монастырь в 1616 г. московским священником Василием Афанасьевым, служившим в Богородице-Рождественском монастыре в центре Москвы.

Таким образом, рукопись, вероятнее всего, была создана в Москве. Элитарность ее исполнения выдает руку царского мастера. Иконописец был воочию знаком и с рукописью (по крайней мере точно пользовался прорисями с нее), и с росписями паперти Благовещенского собора — царского храма.

Композиционный строй иконы монументален. Несмотря на большое количество клейм, они не выглядят измельченно и дробно, сохраняя во всем памятнике парадно-торжественную интонацию. Фигуры по своему рисунку необычайно реалистичны и пропорциональны, в них много грации и изящества, но без манерности и излома. Мастер иконы свободно передает любые сложные позы и ракурсы. Иконописец выражает тончайшие эмоции, он словно «проживает» каждый эпизод вместе с изображенными персонажами. Самоценны в иконе и детали, говорящие о поразительной для монашеского сюжета эмоциональности. Ярким признаком столичной культуры в иконе является своего рода эстетизация свободы, изящества, легкости исполнения.

Средник рыбинской иконы имеет ближайшим протографом сюжет «Видение Лествицы» на фрагменте диаконских дверей середины XVI в. из собрания Н.П. Лихачева (ныне в ГРМ). И.А. Шалина считает их новгородскими [12, с. 588]. В двух иконах «дословно» совпадают ракурсы и позы монахов на лестнице, они лишь поменяны местами. Кроме того, схожи на двух памятниках фигуры коронующих ангелов и тип изображения бесов, идентичны формы дверей рая в виде храмовых Царских врат. Форма облаков наподобие темных языков пламени практически одинакова у икон. Вероятно, мастер иконы из ры-

бинского собрания был знаком с композицией на диаконских дверях воочию, возможно, пользовался прорисями с них.

По богатству и разнообразию архитектурных форм рыбинской иконе трудно найти аналогии даже в искусстве Москвы. Фантазийность архитектурных мотивов и тип письма фигур перекликается с иконой второй половины XVI в. макарьевской мастерской «Преп. Кирилл Белозерский и свт. Кирилл Александрийский с житием Кирилла Белозерского» (ГТГ) [1, с. 225].

Стилистически рыбинской иконе близок и ряд известных более поздних икон царских мастеров 1580–1590-х гг., работавших в Москве по заказам Строгановых: «Троица в бытии, с хождением и историей жизни Моисея в 22-х клеймах», «Страшный Суд» и др. [4, с. 32–34].

Всё это доказывает не просто столичное происхождение иконы, но письмо царского мастера.

Сюжет иконы патронален сыну Иоанна Грозного, царевичу Иоанну (1554–1581). Надо полагать, полная житийная иконография преподобного Иоанна Лествичника сложилась на Руси в грозненское время. Известно, что на средства сыновей Иоанна Грозного Иоанна и Феодора в Кирилло-Белозерском монастыре в 1569–1572 гг. сооружена надвратная церковь преподобного Иоанна Лествичника с приделом великомученика Феодора Стратилата [3, ил. 65–66].

Мы полагаем, учитывая патрональный характер иконы и ее стилистику, что икона могла быть написана непосредственно после кончины в 1581 г. тезоименника святого Иоанна Лествичника царевича Иоанна Иоанновича. Писалась она как мемориальное произведение непосредственно по царскому заказу. Имена святых, изображенных за дверями рая, не надписаны; большинство из них узнаются по ликам. Особо выделена светлыми облачениями и фронтальным положением фигура святителя Николая. Как известно, в день памяти Мирликийского Чудотворца 6 декабря 1533 г. произошло вступление на великое московское княжение Иоанна IV, поэтому государь особо чтит великого святителя. В среднике иконы среди святых в раю акцентирована фигура мученика-юноши в алом плаще с золотым обручем на главе. Мы склонны отождествлять этого святого с великомучеником Димитрием Солунским — святым покровителем рожденного в 1582 г. царевича Димитрия (1582–1591). Впрочем, это лишь гипотеза.

Сведений об источнике поступления иконы в Рыбинский музей нет. Она могла быть написана для древнего монастырского храма на Волге в селе Хопылево под Рыбинском. Контактам монастыря с московскими мастерами в грозненское время могло способствовать то, что землями по Волге в окрестностях Рыбной слободы и Романова владели Иван IV и его сыновья [5, с. 24].

Таким образом, из анализа клейм с изображением подвигов монастырских затворников на иконе из собрания Рыбинского музея-заповедника становится очевидным прямое и непосредственное знакомство автора иконы со стенописью Благовещенского собора Московского Кремля и с рукописью «Лествицы», созданной в Москве, вероятно, выдающимся царским изографом.

Мастер иконы из Рыбинска был, несомненно, московским жалованным царским иконописцем. По заказу царской семьи он создал выдающееся и новаторское по иконографии произведение. Икона по сей день остается единственным памятником в мировом христианском искусстве, в котором разработана житийная иконография преподобного Иоанна Лествичника. Наряду с уникальными сценами жития в иконе присутствуют все основные типы иконографии, связанные с «Лествицей»: «видение Лествицы», образ наставляющего братию святого Иоанна и подробнейшие сцены подвигов монахов в темнице.

Хронология жизни царевича Иоанна Иоанновича, тезоименника Лествичника, и стиль письма иконы, выдержанный в лучших традициях столичных кремлевских мастерских, позволяют датировать икону 1580-ми гг. и атрибутировать ее лучшему столичному мастеру.

В итоге отметим также, что тесный контакт иконописца с кремлевскими стенописями и московской рукописью Лествицы позволили мастеру иконы создать программное для грозненской эпохи произведение, отмеченное высокой степенью совершенства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 Бекенева Н.Г. Иконопись из собрания Третьяковской галереи. М.: СканРус, 2006. 437 с.
- 2 Качалова И.Я., Маясова Н.А., Щенникова Л.А. Благовещенский собор Московского Кремля. К 500-летию уникального памятника русской культуры. М.: Искусство, 1990. 385 с.

- 3 Кочетков И.А., Лелекова О.В., Подъяпольский С.С. Кирилло-Белозерский монастырь. Л.: Художник РСФСР, 1979. 172 с.
- 4 Логвинов Е.В. Искусство строгановских мастеров. М.: Сов. художник, 1991. 175 с.
- 5 Михайлов А.В. Рыбинск православный. Рыбинск: ОАО Рыбинский Дом печати, 2006. 96 с.
- 6 Подковырова В.Г., Попова Т.Г. «Слово о покаянии» Иоанна Лествичника: зримое слово и воплотившийся образ // *Palaeoslavica*. 2012. Вып. 20, № 1. С. 16–82.
- 7 Попова Т.Г. Житие Лествичника (по древнейшей славянской рукописи Лествицы) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2014. № 2 (56). С. 83–95.
- 8 Попова Т.Г. Христианские монастыри Востока VI–VII вв. в «священном пространстве» Лествицы Иоанна Синайского // *Имагология и компаративистика*. 2022. Т. 17. С. 122–142.
- 9 Хохлова И.Л. Житие преподобного Иоанна Лествичника с подвигами покаяния в иконе из собрания Рыбинского музея. О соотношении слова и образа // *История и культура Ростовской земли*. 2007. Ростов: [б. и.], 2008. С. 204–213.
- 10 Хохлова И.Л. «Лествица» преподобного Иоанна в живописи Древней Руси. Обзор основных произведений // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова*. 2007. № 3 (13). С. 242–247.
- 11 Хохлова И.Л. Иконы Рыбинска. Рыбинск: ОАО Рыбинский Дом печати, 2009. 480 с.
- 12 Шалина И.А. Боковые врата иконостаса: символический замысел и иконография // *Иконостас: Происхождение – развитие – символика* / ред.-сост. А.М. Лидов. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 559–598.
- 13 Martin J.R. The Illustration of the Heavenly Ladder of John Climacus. Princeton: University Press (London: Geoffrey Cumberlege), 1954. 200 p.
- 14 Popova T.G. Die Leiter zum Paradies des Johannes Klimakos. Katalog der slavischen Handschriften / Лествица Иоанна Синайского. Каталог славянских рукописей. Köln: Böhlau Verlag, 2012. 1073 S.

Источники

- 15 Лествица с толкованиями и Слово св. Нила о восьми злых помыслах. 1520–1530-е гг. Москва, РГБ, собрание ризницы Троице-Сергиевой лавры, № 20. Трц. р. 20. Другие шифры и номера: Трц. р. 8664, М. 8664, ф. 304/III, № 20. Номер в общей описи ризницы: 97/1.

REFERENCES

- 1 Bekeneva, N.G. *Ikonopis' iz sobraniia Tret'iakovskoi galerei [Icon Painting from Collection of Tretyakov Gallery]*. Moscow, SkanRus Publ., 2006. 437 p. (In Russian)
- 2 Kachalova, I.Ia., Maiasova, N.A., Shchennikova, L.A. *Blagoveshchenskii sobor Moskovskogo Kremlia. K 500-letiiu unikal'nogo pamiatnika russkoi kul'tury*

- [*Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin. To the 500th Anniversary of the Unique Monument of Russian Culture*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1990. 385 p. (In Russian)
- 3 Kochetkov, I.A., Lelekova, O.V., Pod'iapol'skii, S.S. *Kirillo-Belozerskii monastyr'* [*Kirillo-Belozersky Monastery*]. Leningrad, Khudozhnik RSFSR Publ., 1979. 172 p. (In Russian)
 - 4 Logvinov, E.V. *Iskusstvo stroganovskikh masterov* [*The Art of Stroganov Masters*]. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1991. 175 p. (In Russian)
 - 5 Mikhailov, A.V. *Rybinsk pravoslavnyi* [*Rybinsk Orthodox*]. Rybinsk, OAO Rybinskii Dom pečati Publ., 2006. 96 p. (In Russian)
 - 6 Podkovyrova, V.G., Popova, T.G. "'Slovo o pokaianii' Ioanna Lestvichnika: zrimoe slovo i voplotivshiisia obraz" ["'The Word of Repentance' by John of the Ladder: Visible Word and Incarnate Image"]. *Palaeoslavica*, issue 20, no. 1, 2012, pp. 16–82. (In Russian)
 - 7 Popova, T.G. "Zhitie Lestvichnika (po drevneishei slavianskoi rukopisi Lestvitsy)" ["Life of the Ladder-Bearer (According to the Oldest Slavic Manuscript of the Ladder)"]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, no. 2 (56), 2014, pp. 83–95. (In Russian)
 - 8 Popova, T.G. "Khristianskie monastyri Vostoka VI–VII vv. v 'sviashchennom prostranstve' Lestvitsy Ioanna Sinaiskogo" ["Christian Monasteries of the East of the 6th–7th Centuries in the 'Sacred Space' of the Ladder of John Climacus"]. *Imagologiya i komparativistika*, vol. 17, 2022, pp. 122–142. (In Russian)
 - 9 Khokhlova, I.L. "Zhitie prepodobnogo Ioanna Lestvichnika s podvigami pokaiannia v ikone iz sobraniia Rybinskogo muzeia. O sootnoshenii slova i obraza" ["The Life of St. John of the Ladder with the Feats of Repentance in an Icon from the Collection of the Rybinsk Museum. On the Relationship of Word and Image"]. *Istoriia i kul'tura Rostovskoi zemli. 2007* [*History and Culture of Rostov Land. 2007*]. Rostov, 2008, pp. 204–213. (In Russian)
 - 10 Khokhlova, I.L. "'Lestvitsa' prepodobnogo Ioanna v zhivopisi Drevnei Rusi. Obzor osnovnykh proizvedenii" ["'The Ladder' of St. John in the Painting of Old Russia. Overview of the Main Works"]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, no. 3 (13), 2007, pp. 242–247. (In Russian)
 - 11 Khokhlova, I.L. *Ikony Rybinska* [*Icons of Rybinsk*]. Rybinsk, OAO Rybinskii Dom pečati Publ., 2009. 480 p. (In Russian)
 - 12 Shalina, I.A. "Bokovyie vrata ikonostasa: simvolicheskii zamysel i ikonografiia" ["The Side Gate of Iconostasis: Symbolic Design and Iconography"]. Lidov, A.M., editor-comp. *Ikonostas: Proiskhozhdenie – razvitie – simbolika: sb. statei*, [*Iconostasis: Origin – Development – Symbolism: Collection of Articles*]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2000, pp. 559–598. (In Russian)
 - 13 Martin, John R. *The Illustration of the Heavenly Ladder of John Climacus*. Princeton, University Press (London, Geoffrey Cumberlege), 1954. 200 p. (In English)
 - 14 Popova, T.G. *Die Leiter zum Paradies des Johannes Klimakos. Katalog der slavischen Handschriften*, Лествица Иоанна Синайского. Каталог славянских рукописей. Köln, Böhlau Verlag, 2012. 1073 S. (In German)

Информация об авторе: Ирина Львовна Хохлова — кандидат искусствоведения, доцент Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, ул. Александра Невского, д. 14, 236041 г. Калининград, Россия.

E-mail: irinahohlova@yandex.ru

Information about the author: Irina L. Khokhlova, PhD in Art History, Associate Professor of the Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 Alexander Nevsky St., 236041 Kaliningrad, Russia.

E-mail: irinahohlova@yandex.ru

Для цитирования: Хохлова И.Л. Изображение подвигов покаяния в «Лестнице» и в житийной иконе Иоанна Синайского // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 21 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 495–513. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-495-513>

© 2022, И.Л. Хохлова

For citation: Khokhlova, I.L. “Image of Feats of Repentance in the ‘Ladder’ and in the Hagiographic Icon of John Climacus.” *Germevenvtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 22. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 495–513. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-495-513>

© 2022, Irina L. Khokhlova